

АВТОНОМИЗАЦИЯ ПОЛЯ ПОЛИТИКИ В СТРУКТУРАХ ДИСКУРСИВНОСТИ

Аннотация. В статье рассматривается актуальная для современной политической философии проблема определения онтологических оснований политического бытия, которая позволяет по новому представить концепт «политики». В границах политической онтологии политическое бытие рассматривается как автономная целостность, самоопределяющаяся в структурах политического дискурса.

Ключевые слова: политическое бытие, поле политики, политический дискурс, слово, действие.

Abstract. In article the problem of definition of the ontologic bases of political existence which allows on new to present concept "policies" is considered actual for modern political philosophy. In borders political ontology political existence is considered as the independent integrity self-defined in structures of a political discourse.

Keywords: political existence, political field, political discourse, word, action.

Утверждение постмодернистской философии о «конце политики» (Ж. Бодрийяр) выводит политическое бытие на предел собственного существования. В состоянии предела традиционное значение концепта политики «уже» утрачено, а новое значение политики «еще-не» определено. Однако обнаружение предела способствует появлению исследовательской рефлексии, которая, с одной стороны, позволяет продумать/проговорить идею «конца политики», а с другой – инициирует появление нового «начала» политики. В состоянии предела смысл «конечности» может постигаться через представления его как «начала», возвращающего философскую рефлексия к «истоку» происхождения политики.

В таком случае обозначенная в рамках постмодернистской философии проблема «конца политики», провоцирующая ощущение финальности и завершенности политического существования, преобразуется в вопрос об «источке» политического. Это говорит о том, что предел оказывается точкой «поворота», где само-обращенность бытия в со-бытии предельности является точкой, возвращающей философскую рефлексия к вопросу происхождения политического «источка» политики.

Вопрос об «источке» политического с необходимостью отсылает к древнегреческому полису как «месту» произведения политики (греч. politika – государственные или общественные дела; от polis – государство). Это объясняется тем, что само понятие «политика» – это прежде всего перевод греческого слова «politeia», которое греки непосредственно связывали с режимом полиса (polis'a). В связи с этим прояснить сущность политики можно через обращение к древнегреческому понятию «polis» как «месту» произведения «politeia». Обращаясь к философии греков, М. Хайдеггер и Х. Арентс отмечают, что сущность греческого понимания политики можно выявить через этимологию слов «polis» и «politeia», что требует особого внимания к содержащимся в языке политики смыслам. Необходимость постоянного возвращения к грече-

скому пониманию политики объясняется тем, полагает Х. Арендт, что «греческий polis будет всегда присутствовать в основе нашей политической экзистенции, в самой ее глубине – столь же долго, сколь долго у нас на устах будет слово «политика» [1, с. 121].

Вопрос об «истоке» политического, по мнению М. Хайдеггера, в первую очередь вопрошает о происхождении сущности политики, которую можно понять только через возвращение первоначального смысла греческих понятий, заслоненных латинскими переводами. В философско-политической мысли отзвуки этой пустоты, полагает М. Хайдеггер, слышатся как в слове «polis», так и в слове «politeia». Начиная с императорской эпохи, греческое слово «политика» обозначает исключительно римскую политическую реальность. Однако римский перевод греческого слова «polis» как государства и как города не в состоянии передать всю полноту значения этого слова. Это говорит о том, что современное государство, *res publica* римлян и polis греков отличаются друг от друга, т.е. по своей сущности являются не сводимыми друг к другу понятиями. Поскольку греческий «polis» не имеет ничего общего с современным пониманием политики как практики государственного управления, которое появилось в результате римского представления политики, то греческий смысл политики (*politeia*) можно понять только через обращение к греческому понятию полиса (*polis*).

В онтологической интерпретации М. Хайдеггера греческий polis – это местоположение про-исхождения, в котором, исходя из которого и ради которого про-ис-хождение про-ис-ходит. В данном случае полис мыслится как «основание и место» *Dasein* («Da» в «*Sein*»), означающее политическое бытие как «при-существование». В греческом основании полиса политическое бытие как «при-существование» существует в состоянии «при сути», которое указывает на существование «зазора», своего рода несовпадения, между политическим существованием и совершенно а-политичной сущностью основателей или творцов полиса. Насколько политика зависит от того, что греки разумели под словом «polis», настолько же и полис сам по себе не имеет ничего общего с политикой в современном понимании значения этого слова.

Это говорит о том, что греческий полис является место-положением политического, под которым М. Хайдеггер подразумевает собственно философскую/творческую мысль, образующую а-политичный «исток» политики. Здесь произведение политики аналогично «истоку» художественного творения, проистекающего из деятельности мышления и языка как словесного искусства. Сущность политического бытия обнаруживается в творящем «исток» как субъективной деятельности. В этом смысле греческий полис, вовлекающий философскую мысль в про-из-ведение политики, навсегда определил дальнейшую политическую судьбу философии.

Философское исследование субъективного «истока» политики становится объектом рассуждений Х. Арендт, полагающей, что смысл политического существования у греков проявляет себя в «слове» и «действии», которые являются одновременно изначальными и равнозначными основаниями политического бытия. Лежащая в основе про-ис-хождения греческого понимания политики идея «со-в-местности» «слова» и «действия» обеспечивает автономность политического бытия, его обособленность от сферы «частных» интересов и материальных потребностей, непосредственно связанных с процессом обеспечения жизнедеятельности человека. «Из родов деятельности, –

полагает Х. Арендт, – которые можно встретить во всех формах человеческого общежития, только две считались собственно политическими, а именно действие ($\rho\rho\alpha\zeta\iota\zeta$) и речь ($\lambda\epsilon\zeta\iota\zeta$), и только они полагают основание той «сфере дел человеческих»... из которой было исключено все принудительное или хотя бы просто утилитарное» [2, с. 35].

В сфере *политического* «слово» и «действие» идентифицируют политического субъекта, указывают на того, «кто» «действует» и «говорит». В этом смысле «слово» и «действие» являются способом самопредставления политического бытия как исключительно субъективной деятельности. Именно «при-сутствие» политического субъекта не позволяет политическому бытию превратиться в *демагогическую* «пустую болтовню», в которой греки видели «словесную распущенность» (*parthesia*), и «бессловесное действие», под которым понимается практика «безмолвного насилия».

Когда «слово» превращается в «пустую болтовню», тогда оно лишается смысла, но бессмысленное «слово» ничего не объясняет, а значит идет наперекор собственному смыслу «говорения» как субъективной деятельности, имеющей смысл. Если «действие» не сопровождается «речами», тогда наступает «демонстративная немота», но «бессловесное действие» теряет субъекта «действия». Как полагает Х. Арендт, «бессловесного действия», строго говоря, вообще не существует, ибо это было бы «действие» без деятеля. В «со-в-местном» существовании «слова» и «действия» заключается смысл «присутствия» политического субъекта, который «красноречив в словах, в деяниях крепок». Именно поэтому никакого свершителя дел – $\rho\rho\eta\chi\tau\eta\rho\ \tau\epsilon\ \epsilon\rho\chi\omicron\nu$ – не было бы, не выступи он открыто с говорением «речи» – $\mu\upsilon\delta\omega\nu\ \tau\epsilon\ \rho\eta\chi\tau\eta\rho$. «Лишь через выговоренное слово деяние входит в значимую взаимосвязь, – пишет Х. Арендт, – причем функция речи не в том, чтобы как-то объяснять содеянное, но слово скорее идентифицирует деятеля и объявляет, что действует именно он, т.е. некто могущий апеллировать к другим поступкам и решениям и говорить, что он намерен делать далее» [2, с. 233]. В представлении греков «действие», остающееся в анонимности, и всеобщая «пустая болтовня» бессмысленны в *политике*, следовательно, являются собственно до-политическими состояниями. Таким образом, если следовать греческой традиции, то в полисе *политика* представляла собой *автономную* область человеческого бытия, где смысл *политического* существования субъекта заключался в «словах»/«речах» и «действиях»/«поступках».

Историческое «забвение» греческого понимания политики постепенно приводит к утрате субъективной сущности политического «источка» политики. В условиях исчезновения субъективного смысла, происходящего из опыта полиса, понятие «политика» наделяется предельно объективным содержанием. Когда под политикой понимают практику управления государством, то в этом слышится скорее римское прочтение греческого слова «*politeia*», которое обозначает отныне римскую реальность – «*Imperium*» (*im-parare* – «распоряжаться»). Поскольку в римской интерпретации «*politeia*» сводилась к законодательной деятельности и практике управления государством, то это само собой исключало возможность присутствия философской мысли в основании политики. Это говорит о том, что римское понимание политизирует политический «исток» политики, а это противоречит греческому пониманию а-политичной сущности политики.

В условиях предельной политизации политического «источка» политики философия «подшивается» к политическому условию своего существования (А. Бадью). Такой «шов» образует философия марксизма, которая становится для политики организованной в теорию практикой преобразования мира, где «речь идет не о том, чтобы объяснять мир, но о том, чтобы изменить его». «На политику здесь философски указывается как на единственный способ сформировать на практике систему смысла, – пишет А. Бадью, – философия же обречена на постепенное угасание. То, что политика (впрочем, широко отождествляемая Марксом с реальным движением Истории) есть конечная форма суммирования опыта, вместе с другими условиями отстраняет саму философию, которая намеревалась вписать в этот опыт совокупность с политикой» [3, с. 35]. В данном случае существование «практически исчерпывающего» знания является своего рода гарантом того, что любой вопрос, относящийся к политической практике и возникающий из этой сферы, может быть успешно разрешен.

В сфере политической практики «действие» наделяется предельно эффективным смыслом – практической деятельностью. Когда «действие» приобретает смысл практики, то за этим стоит буквальный перевод греческого слова «*πρᾶξις*». Объективация «действия» в структуре политической практики означает, что «действие» оказывается либо предельно рационализированной «технической деятельностью», либо представляет собой чисто «рефлекторную активность». «Если существует абсолютное Знание истории, – пишет К. Касториadis, – то автономное действие человека лишено какого-либо смысла... Тем, кто вооружен подобным знанием, остается лишь найти наиболее эффективные средства, как можно скорее приводящие их к цели. Политическое действие становится действием техническим» [4, с. 78].

В политической практике язык лишается значения свободной субъективной деятельности и становится стратегическим ресурсом политической борьбы за власть. Когда язык управляется властью, тогда «слово» вовлекается в сферу репрессивных дискурсов, представляющих собой форму господства, единственной целью которой является достижение «эффекта повиновения» (М. Фуко). Обращаясь к метафоре «Шапка Клементиса», Ж.-Ж. Куртин демонстрирует действенность дискурсивных механизмов «стирания» исчезнувшей «реальности» *политики*. История коммунистической Чехии начинается с февраля 1948 г., когда в Праге лидер чехословацких коммунистов Клемент Готвальд произносит речь перед многочисленной толпой слушателей. «С обеих сторон Готвальда окружали его соратники, Клементис находился непосредственно рядом с ним. Шел снег, было холодно, Готвальд стоял с непокрытой головой. Клементис в порыве участия снял меховую шапку и надел на Готвальда. Отдел пропаганды воспроизвел в сотнях тысяч экземпляров фотографию Готвальда, который с балкона произносит речь перед народом... Готвальд окружен своими соратниками, и на нем надета меховая шапка. Все дети знают эту фотографию, поскольку видели ее на плакатах, в учебниках или в музеях. Четыре года спустя Клементис был обвинен в измене и повешен. Отдел пропаганды тотчас изъял его из истории и, разумеется, из всех фотодокументов. С этого времени Готвальд стоит на балконе один. На том месте, где был Клементис, теперь есть только голая стена дворца. От Клементиса осталась только меховая шапка на голове у Готвальда» [5, с. 94].

В марксистской концепции римская политизация политического «истака» политики как практики управления государством и формы власти доведена до своего логического предела. Однако если традиционное представление политики как минимум достигло своего завершения, то это не означает полного исчезновения политики как сферы человеческого бытия. В этом смысле историческая деструкция философии марксизма, которая традиционно определяла сущность концепта «политики», превращается в со-бытие политического бытия (А. Бадью). В со-бытии предельности «конец» оборачивается «началом», возвращающим философскую рефлексия к а-политичному «истоку», который, начиная с полисной организации политики, мыслился в аспекте субъективности.

Возвращение к субъективному «истоку» политического бытия раскрывает онтологическое или собственно философское понимание концепта «политики». Лежащий в основе происхождения политики принцип «со-в-местности» «слова» и «действия» является условием автономизации поля политической субъективности, где политическое бытие существует как система знания, которая содержит в самой себе свое основание, т.е. основополагающий принцип, из которого она должна быть развернута (Ф. В. Шеллинг). В данном случае автономизация задает целостное представление политического бытия, где единственным имманентным законом – «пoтoс'oт», управляющим полем политической субъективности, является закон тождества бытия, мышления и языка (М. Хайдеггер). В условиях автономизации поля политической субъективности исходным или безусловным принципом политического бытия как системы знания выступает принцип «субъект существует», который не требует для своего существования ничего, кроме себя самого. «Sub-iectum – это латинский перевод и истолкование греческого υπο-κειμενον, – пишет М. Хайдеггер, – и означает под-лежащее и лежащее-в-основе, само собой заранее уже пред-лежащее» [6, с. 118]. Возможность построения системы знания из одного и только одного исходного принципа задает политическое бытие как автономную целостность, где целое может существовать только в своем самоопределении, т.е. определяться только из самого себя, чтобы быть логически полным и безусловным.

Способность политического бытия к самоопределению или самовоспроизводству в структурах языка и мышления указывает на самореференциальную природу политического «истака», где «со-в-местность» «слова» и «действия» осуществляется посредством «со-общаемости» как рефлексивного акта политического субъекта. В акте само-рефлексии «со-общаемость» политического бытия в со-бытии предельности предъясняется как идея (ιδέα/eidos), лежащая в «истоке» произведения или «изобретения политики» (А. Бадью). К онтологической сущности идеи (eidos) относится то, что она всегда существует в тождестве продуктивной способности мышления и продукта творчества, т.е. существует в тождестве субъекта и объекта (Ф. В. Шеллинг). Если рассматривать идею как продуктивную способность мышления, то как процесс творения она оказывается неким движением, потоком, направленным на произведение или выделение объектов или «образов» (εἶδος) мысли как неких мыслительных конструкций. В то же время «идея» как результат продуктивной способности мышления или продукт представляет собой состояние мышления, следовательно, содержит в себе потенцию к постоянному преобразованию, т.е. существует в качестве бесконечного продукта.

Когда идея (eidos) рассматривается в качестве а-политичной сущности «источка» политики, тогда «праксис» (praxis) оказывается «источком» произведения знания, т.е. потоком субъективной деятельности. В со-бытии предельности как полной реализации объективного смысла политической практики «действие» обретает собственный субъективный смысл, т.е. понимается как деятельность мышления. Самостоятельная сущность мышления заключается в том, что мысль является такого рода «действием», которое не сводимо ни к «действию» как «πραξις», где стихия мысли приносится в жертву технической интерпретации мышления, ни к «действию» как «θεσις», где мышление сводится к некой теоретической установке субъекта (М. Хайдеггер). Когда деятельность мышления рассматривается в аспекте «πραξις», то мышление является «действием» только потому, что «мысль мыслит». В данном случае деятельность мышления является производящим само себя потоком или процессом продуцирования мысли, которая своим существованием само-проявляет сущность мыслительной деятельности. Такое понимание «действия» мысли указывает на то, что в своей основе мышление абсолютно не «практично», следовательно, невозможно мерить политическое «действие» меркой впечатляющих и результативных практических достижений. Существо деятельности мышления заключается в осуществлении, где осуществить – значит развернуть нечто до полноты его существа, вывести к этой полноте, *producere* – про-из-вести. «Мысль есть действие. Но действие, – пишет М. Хайдеггер, – которое одновременно переходит за всякую практику. Мысль прорывается сквозь действие и производство не благодаря величию каких-то своих результатов и не благодаря последствиям какого-то своего влияния, а малости своего безрезультативного осуществления» [7, с. 219].

Если представлять деятельность мышления как «θεσις», то сущность мышления как «действия» заключается в про- и из-ведении. Поскольку греческое слово «θεσις» содержит в себе значение полагания, выкладывания, положения, то смыслом «действия» как «θεσις» является про (в выступании к присутствию)-из (из потаенности)-ведение (М. Хайдеггер). В данном случае про-из-ведение как обнаружение «при-сутствия» «действия» мысли указывает на языковую сущность мышления, где язык предъявляет существо «образа» (εἶδος) мысли или смысл деятельности мышления.

В данном случае мышление как про-из-ведение или некое производящее движение самоопределяется в языке, где совпадение означающего и означаемого реализуется как «слово», конституирующее смысл политического «действия». Здесь язык является не просто выражением мысли, но и условием существования осмысленного «праксиса», демонстрирующего «действие» мысли. Это говорит о том, что в политике до тех пор, пока «действие» не предъявлено в структуре языка, оно оказывается сущностно не-представимым и не-мыслимым, но в этой «непредставимости как раз и состоит политика высказывания» (А. Бадью). Поскольку «действие» соотносится с конституирующей деятельностью мышления, то политический «праксис» представляет собой сознательную деятельность субъекта. В процессе политического «праксиса» политический субъект конституирует самого себя как «действующего» субъекта. В этом случае субъект «praxis'a» «постоянно изменяется на основании опыта, в который он вовлечен, который он творит и который в той же мере творит его» (К. Касториadis). Политический «праксис» как мыс-

лящее «действие» или как проявляющая себя в «действии» мысль осуществляется через высказывание как языковой «пойесис», организующий поле политической дискурсивности.

В границах онтологического понимания политического бытия высказывание понимается как «со-общение» смысла политического бытия, которое возможно только тогда, когда высказывание является осмысленным суждением, где мышление движется в колее «пролагаемой языком» (М. Хайдеггер). Высказывая осмысленные суждения, субъект тем самым конституирует собственное «при-сутствие» в структуре политического бытия как системы знания. Это указывает на то, что в поле политической дискурсивности «пойесис» является языковым творчеством, предъявляющим политическую субъективность как самоконструирующую деятельность «говорящего» субъекта. Таким образом, автономизация поля политики устанавливает особого рода взаимопринадлежность политического «праксиса» (praxis'a) и «пойесиса» (poiesis'a), «со-в-местная» принадлежность которых политическому «истoku» обеспечивает «со-общаемость» смысла политического бытия в «месте» существования, рефлексирующего собственные «слова» и «действия» политического субъекта.

Список литературы

1. **Кассен, Б.** Эффект софистики / Б. Кассен. – М. ; СПб. : Университетская книга ; Культурная инициатива, 2000. – 238 с.
2. **Арендт, Х.** Vita activa, или О деятельной жизни / Х. Арентд. – СПб. : Алетейя, 2000. – 437 с.
3. **Бадью, А.** Манифест философии / А. Бадью. – СПб. : Machina, 2003. – 184 с.
4. **Касториадис, К.** Воображаемое установление общества / К. Касториадис. – М. : Гнозис ; Логос, 2003. – 480 с.
5. **Куртин, Ж.-Ж.** Шапка Клементиса (заметки о памяти и забвении в политическом дискурсе) / Ж.-Ж. Куртин // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – М. : Прогресс, 1999. – С. 95–104.
6. **Хайдеггер, М.** Европейский нигилизм / М. Хайдеггер // Хайдеггер М. Время и бытие : статьи и выступления. – М. : Республика, 1993. – С. 63–177.
7. **Хайдеггер, М.** Письмо о гуманизме / М. Хайдеггер // Хайдеггер М. Время и бытие : статьи и выступления. – М. : Республика, 1993. – С. 192–221.

Соловей Ирина Викторовна

кандидат философских наук, доцент,
кафедра социологии коммуникаций,
Удмуртский государственный
университет (г. Ижевск)

E-mail: irina-solovei@mail.ru

Solovey Irina Viktorovna

Candidate of philosophy, associate
professor, sub-department of sociological
communication, Udmurt State University
(Izhevsk)

УДК 32:1

Соловей, И. В.

Автономизация поля политики в структурах дискурсивности /
И. В. Соловей // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион.
Гуманитарные науки. – 2009. – № 4 (12). – С. 42–48.